

Букет для дамы

Все, работе конец.

«Ты спросишь, кто велит...» Александра бросила взгляд на свои безупречные туфельки.

«Чтоб желтый лист ракит...» Документы в папке справа, просмотренные — стопкой слева, записи в ящик стола на ключ, компьютер выключен.

«Слетал на сырость плит...» За окном — не погода, а милое сердцу московское не пойми что.

«Осенних госпиталей». Она поднялась-таки после часов неподвижного сидения, с удовольствием потянулась мышцами, изящную сумку на плечо, «Ты спросишь, кто велит — великий Бог деталей», и, с головы до ног одетая дорого и со вкусом великолепная столичная дама где-то под сорок, машинально повторяя любимые строки Пастернака, шагнула к двери кабинета... Но — ах!

Дверь сама открылась. Перед Александрой стоял не кто-нибудь, а собственной персоной Геннадий Алексеевич!

Он был грандиозен. Александра сама любила быть богом своих деталей, чтобы все, что составляло ее жизнь, было безукоризненно: от одежды и жестов до исполнения ею своих рабочих обязанностей.

И потому видела: в Геннадии Алексеевиче все также хорошо продумано. Костюм классный. Сорочка из бутика. На галстук еде виднеется исполненная под простую заколку ювелирная вещица.

Исчезающе тонкий аромат — не всем мужчинам он кстати, а этому ничего, соответствует. Короткий пепельный бобрик. Властные скулы. Очень даже говорящий взгляд влажных глаз. На сколько он ее старше? Лет на восемь, идеально подходит.

Пауза неприлично затянулась. Надо же, этот Станиславский и Немирович-Данченко превратил обоюдное молчание в содержательный разговор о сокровенном. Фиг-два! Не на ту нарвался! Других гипнотизируй! Достоинство и независимость — главные культивируемые Александрой ценности, главные детали ее бытия.

— Как продвигаются дела? — ну очень по-доброму, однако без слащавости спросил Геннадий Алексеевич.

— Спасибо, нормально, — ответила скромница просто и безыскусно (что, разумеется, тоже театр — ему в пику!), — но...

— Что «но»? — быстро переспросил он, как будто это «но» попало в его продуманные потаенные мысли.

— Ничего особенного, обычная работа, — ответила скромница, сопроводив фразу для успокоения собеседника дежурной полуулыбкой, — я еще, видимо, не вникла, но мне показалось, что в одном случае базовый показатель...

— Да? — его брови ласково-внимательно приподнялись.

— Извините, я могу ошибаться...

— Нет-нет, скажите.

— Ну, в общем, мне показалось, что там где-то скрыт трудный случай. Рано еще говорить, но вроде при определении одного показателя известные из классики методы не подойдут. Впрочем, зря я вас пугаю и задерживаю. Не беспокойтесь, я справлюсь и обо всем вам позже подробно расскажу. До свидания!

— Да, да, до свидания, — словно эхом отозвался, уйдя в свои мысли, Геннадий Алексеевич.

Александра с удовольствием отмеряла шагами сырость плит. Спешить ей было совершенно некуда.

Давно уж она осталась вне романов, без романов и, видимо, надолго, если не навсегда в одиночном плавании. Когда-то она даже перестала этому огорчаться. Но сейчас почему-то не могла справиться с легким волнением от этого странного разговора в дверях.

Геннадий Алексеевич — могущественный человек по меркам московского бизнеса. Он — генеральный директор компании, реклама которой известна всем, она перебивает даже репортажи с главных футбольных матчей. В маленькую, абсолютно не афишируемую аудиторскую фирму, где работала Александра, из этой суперкомпании несколько дней назад поступил заказ. Ее владельцы, проживающие где-то на Канарах или на Ямайке, заподозрили генерального директора в нечестности, а значит вот-вот покатится его буйна головушка в кусты. Он почуял запах паленого и увидел единственный способ защиты: самому вызвать на себя упреждающую аудиторскую проверку, да не простую, а особо скрупулезную: только она покажет владельцам — он чист перед ними.

Александра про всю свою предыдущую жизнь помнит немного. Беспросветную нужду. Одна юбка, одна кофточка, надо бы обновить пальто, требуют ремонта туфли, по десять лет нет средств на ремонт квартиры. Да впустую пролетевшие молодые годы в плановом отделе большой швейной фабрики: на километр — ни одного мужчины.

Швейная фабрика благополучно встала. Александра ткнулась в качестве рекламного менеджера в одну торговую фирму, другую — тоска, конечно, крутая. И вдруг невесть каким образом ее нашла Ольга — двадцатисемилетняя капиталистическая барракуда, внешне — великосветская красавица, но с челюстями эксплуататора, что медвежий капкан. Ольга собрала маленький

коллектив — по двое-трое специалистов бухгалтерии, плановых отделов, контрольно-ревизионной службы.

И они по двадцать пять тысяч баксов за заказ спасали с помощью подобной упреждающей аудиторской проверки одну дорогую московскую фирму за другой.

Платила Ольга очень хорошо. Впервые Александра могла себе купить почти все, что хотела. Она действительно была асом своего дела, это знала и Ольга, и вся их небольшая бригада, а самой Александре доставляло удовольствие гордиться своим мастерством.

Этот вечер она как обычно посвятила занятию с омерзительным названием «шопинг» — центральная часть города, зеркальные витрины, вышколенный торговый персонал, стильные дорогие вещи.

Но всюду ей чудился тонкий аромат и ежик волос пепельного цвета.

Видно, чем-то Александра задела Геннадия Алексеевича, по крайней мере, наутро он вошел в выделенный специально для нее кабинет в первую же рабочую минуту, да не один, а в сопровождении простоватого, скромно одетого мужика за пятьдесят.

— Знакомьтесь, Александра Николаевна, — он улыбнулся ей так, будто между ними уже что-то было. — Василий Федорович Савельев, мой заместитель.

То, что вы вчера сказали вечером, — Александра жестом попыталась протестовать, но он властно пресек, — вы даже не представляете, как серьезно для судьбы нашей компании. Я вам полностью доверяю, но мы обязаны исключить малейшую возможность ошибки, поэтому вместе с вами будет работать мой зам.

— И еще, Геннадий Алексеевич вдруг шагнул к окну, взял с подоконника, видно, заранее положенное там что-то большое и завернутое, ловко развернул и протянул Александре. Умопомрачительный букет! — Мы хорошо работаем и должны уметь хорошо отдыхать. Словом, приглашаю вас сегодня поужинать.

Он двумя пальцами чуть приподнял ее ладонь — прямо-таки граф — и уже развернулся, и уже отсутствовал в кабинете, оставив тонкий аромат.

С Савельевым они весь день проработали плечом к плечу, и удивительно было следить за ходом мысли этого завгара дальнего зауральского совхоза.

Он сосредоточенно вникает в твои объяснения, потом долго смотрит в крышку стола, потом ты немного выходишь из себя, объясняя ему все заново другими словами, он непонимающе слушает, теребя ручку рыжими мастеровитыми руками, а потом выясняется, что он понял и продумал не только сказанное, а гораздо-гораздо большее.

Ресторан был роскошен, подавали вкусное, Геннадий Алексеевич обрушил на Александру все великолепие своих актерских талантов, чтобы у нее голова пошла

кругом от непоказного джентльменства, от скрыто-нескрытого ухаживания, от точно вымеренной достоверной галантности.

И у нее голова действительно пошла кругом.

«Что-то ему от меня другое нужно. Весь его театр — ложь от начала до конца», — подумала Александра, засыпая, необыкновенно довольная вечером.

Прошло три дня. Интуиция Александру не подвела: с тем базовым показателем открылся парадокс, с которым она впервые столкнулась в своей практике.

Все методики подсчета, рекомендуемые ведущими профессорами экономики, не просто были непригодны, они давали ошибку. Но главное — и заметить-то подвох было почти невозможно. Легче легкого было проскочить и сделать расчеты по классической схеме.

Рыжие пальцы совхозного счетовода следили за колонкой цифр. Он, не будучи вообще экономистом, дотошно вникал в смысл чужой специальности.

Не сразу, но как-то мощно просек доводы Александры: принятыми методами здесь считать нельзя.

А как?

Космонавты, оставшись вдвоем на далекой планете, решили вручную отремонтировать разбитый пульт управления, с паяльником залезли в панель и замерли — микросхемы, микросхемы...

Савельев как неспециалист в разрядку задавал Александре глупейшие вопросы, не по существу дела. Александра, скрывая раздражение, терпеливо разъясняла, почему именно они не по существу, и лишь позже осознавала, что вопросы были отнюдь и отнюдь не глупейшие. Савельев, оказывается, бережно вел ее, Александру, снимая своими вопросами грани затруднения — одну за другой.

Так они вышли на единственный, хоть и парадоксальный способ вычисления базового показателя.

— Сколько получилось? — спросил Геннадий Алексеевич, пригласив их обоих в свой кабинет в пятницу уже после рабочего дня. Его галантность куда-то исчезла. Перед Александрой был чиновник, за маской которого чудился злобный зверь, который сейчас набросится и разорвет.

— Вы считали базовый показатель. Прошу назвать число, — повторил он очень-очень тихо.

— Сто сорок, — ответила Александра, с которой неожиданно улетели все любимые стихи, изящные вещи, весь размеренный уклад одинокой жизни, и она, словно обнаженная булгаковская Маргарита, стала вдруг впервые за долгие-долгие годы самой собою.

Потому что почувствовала — ее сейчас ударят.

— Должно быть не менее ста восьмидесяти, — еще тише сказал побледневший Геннадий Алексеевич.

— Да, вы правы, — горло Александры перестало быть приспособленным производить звуки, — но это если считать по классической методике...

Она не успела больше сказать ничего, комнату разорвал крик на самой высокой ноте.

— Да к чертовой матери все методики! Вы что совсем ничего не понимаете?! Вы слышите, я вам русским языком объясняю — там должно быть больше ста восьмидесяти!

— Послушайте, — Александра собрала все силы, только чтобы произнести это одно-единственное слово «послушайте».

— И слушать ничего не желаю, — не сходя с высот крика, Геннадий Алексеевич схватил со стола какую-то антикварную табакерку и так хватил ею об пол, что разлетелись осколки.

— Да вы непрофессионалка! — вот он, удар.

Обнаженная Маргарита еще раз обнажилась, теперь уже до самой сути — до ведьмы. — Вы меня не просто подвели, подумалось, вас можно выставить. Я поверил репутации вашей фирмы, вы растратили то, чего больше не вернешь — время, вы убиваете меня и всю нашу компанию! — он приблизил бешенные глаза к ее лицу. — Вы меня убили!

— Геннадий Алексеевич! — раздался глухой угрожающий голос заведующего совхозными мастерскими.

— Что?! — взвился гендиректор, — да ты-то помолчал бы, заместитель называется, тебе же дело было поручено!

— Прошу не тыкать, — совхозный зоотехник побагровел.

— Господи! Да ты козел! Вот ты кто, коли ничего не понимаешь!

«За козла ответишь», — мелькнуло в голове у Александры. Рыжие кулаки сжались.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся, не смеясь, сатанинско-театральным смехом гендиректор, — самолюбие его, видите ли, задели! Ты хоть знаешь, какие бабки поставлены на бочку? Ты хоть понимаешь, что на днях мой труп покажут по новостям? Не в обижалочки детскосадовские надо играть, а дело делать! — два мужских лица оказались в сантиметре друг от друга, глаза сверкали. — Ты же был создателем радиолокационных систем советских подлодок, — прорычал гендиректор Савельеву, — ты же серьезный человек, ты же должен понимать, не то что эта курица...

Удар был сильный. Геннадий Алексеевич отлетел на два метра и седым бобриком долбанул по основанию цветочной композиции, соответственно она вся рухнула на гендиректора.

Александр показалось, что время дальше идти не будет, поскольку ему некуда больше идти, так как из этой ситуации выхода нет.

Но все оказалось проще. Гендиректор в позиции лежа вдруг изменил тон на абсолютно спокойный, даже дружелюбный.

— Вот что, ребята, я не могу на вас обижаться, потому что вам все равно не понять, что именно происходит, пока вы гоните свою дурь, — он прикоснулся ладонью к уголку губ, из которых вовсю лилась кровь. — Приказываю: на выходные не уходить, работать, встречаемся в понедельник в девять утра здесь, в моем кабинете, будете вы оба и ваша Ольга. Если к этому моменту в расчетах вы не сделаете цифру сто восемьдесят — контракт с Ольгой разрывается, а ты, Савельев, — уволен. Все, уходите, не задерживаю.

В субботу они с Савельевым заново сделали все просчеты, выполнив работу нескольких дней. Да, в этом пункте парадокс. Только очень опытный профессионал и тот его еле заметит, все остальные, не обратив на него внимания, выйдут на ту цифру, которую требует гендиректор. А так ничего не поделаешь — выходит сто сорок.

Поздно вечером в пустое помещение шикарного офиса компании прошла Ольга, которую Александра вызвала из загородной виллы. Ольга человек столь же безжалостный, сколь и объективный — прирожденный руководитель. До поздней ночи она, не проронив ни слова, вникала в смысл и ход расчетов Александры и Савельева.

Потом в тишине кабинета было слышно лишь постукивание ноготков по полированной поверхности стола — Ольга принимала решение.

— Слушайте, Александра Николаевна, и вы, Василий Федорович. Я согласна, что обнаружен редчайший парадокс, но из-за него наша аудиторская фирма теряет двадцать пять тысяч долларов. Мы пойдем на эти потери, — она подняла ледяной взгляд, — потому что нам важнее репутация в глазах других клиентов, чтобы они верили: мы им не туфту впариваем, а предлагаем высокий класс аналитики, которую нельзя опровергнуть. Но, Александра Николаевна, вы в этом случае будете сразу уволены. — «Здравствуй, нужда, вновь погружаюсь в море унижения и безденежья», — сказал спокойно кто-то в голове у Александры. — И дело не в том, что вы что-то делаете неправильно, а в том, что фирма несет урон через вас. У вас время до девяти утра понедельника — не искривлять истину, как требует Геннадий Алексеевич, — нет, мы на это не пойдем, а на то, чтобы придумать какую-то вообще иную идеологию расчетов, чтобы снять противоречие.

В общем, я не знаю что, придумайте что-нибудь.

В воскресенье Александра и сельский учитель математики встретились в девять снова в офисе.

— Работаем? — спросила Александра.

— А оно нам нужно? — вопросом на вопрос ответил Савельев.

Они выпили по кофе и разъехались, положив русский прибор на обе фирмы, базовые показатели и иную идеологию расчетов.

В понедельник ровно в девять все трое вошли в кабинет Геннадия Алексеевича, тот уже восседал в своем кресле, вошедших не поприветствовал.

— Есть результат? — спросил он.

— Да, — опередил всех скромный провинциал с рыжими руками. — Вот мое заявление об увольнении.

— Это херня, а не результат, — поморщился гендиректор.

— Всем оставаться на своих местах! — дверь неожиданно распахнулась, и в кабинет вошли четыре наголо стриженных амбала в одинаковых черных костюмах. Они встали по углам. Вслед за ними вошла неопикуемая троица.

— Вы?! — Геннадий Алексеевич привстал с выражением крайнего изумления.

В мягкие кожаные кресла уселись крупная полная с ярко намалеванным лицом вся в рюшечках и оборочках дама, сверхинтеллигентный молодой человек в очках с распадающимися льняными локонами типа «университетский аспирант», который почему-то все время смотрел строго в пол, и, наконец, постоянно улыбающийся хищным оскалом горбоносый худой кавказец.

«Владельцы!» — догадалась Александра.

— Да, это мы, — сверкнул золотым зубом кавказец, — нам показалось, Гена, что ты немного ошибаешься в последнее время. Или ты считаешь, что все в порядке и ошибаемся мы?

— Да что ты с ним, Руслан, чикаешься, — вдруг рявкнула дама, — Генка, ты крадешь наши деньги, сука, и, если это сейчас подтвердится... впрочем, ты знаешь, что бывает с теми, кто выходит у нас из доверия.

— Этих убрать? — спросил охранник, показывая в сторону Ольги, Александры и Савельева.

— Как раз нет, они сейчас будут нужны, — от улыбки кавказца в жилах стыла кровь. — Гена, мы хоть и в другом полушарии планеты, но кое-что нам от своих источников известно. Например, что ты заказал аудит, и вот эта папочка, — он указал на папку в руках Александры, — как раз и есть рабочие результаты проверки, не рассчитанные на постороннего читателя. Но так ведь мы не посторонние.

Можно?

Геннадий Алексеевич вскочил, собираясь что-то страстно сказать, и тут же, передумав, рухнул, повернувшись в окно. Лицо его стало серым, на лбу выступили капли.

Охранник молча взял папку у Александры и передал кавказцу. Тот стал листать и остановился на месте, где стояла цифра базового показателя. Хищная улыбка вдруг слетела с губ горбоносого, и брови его поползли вверх. Он молча передал

папку на раскрытой странице аспиранту, тот внимательно углубился, затем передал толстухе.

— Что — правда? — женщина-гора всем корпусом повернулась к другим владельцам.

— Выходит, да, — кавказец без улыбки вздохнул.

— Может, мы зря на тебя грестили, Гена, тогда извини.

— Твое счастье, придурок, на этот раз жив остался, — зло сказала толстуха. Мы за приличное вознаграждение заказали проверку твоих, Гена, делишек и попросили не кого-нибудь, а консультанта Нью-йоркской фондовой биржи.

Так вот, он сказал: если в этом месте будет стоять какая-то другая цифра, а не сто сорок, — значит ты, Гена, воруеть. Но знай, мы и дальше будем за тобой наблюдать. Ладно, мы поехали.

Мы сразу в Шереметьево-два, больше нам тут делать нечего.

Владельцы и охранники вышли.

— Так вы подписываете мое заявление? — поднялся Савельев.

— Старик, ты о чем? — тупо уставился на него гендиректор.

В конце этого безумного понедельника Александра спешила на угол Кузнецкого и Неглинной. Днем ей позвонил Савельев и попросил о встрече, чтобы передать принадлежащие ей бумаги. Издалека она его увидела: скромно одетый сельский интеллигент стоял с роскошным букетом.